

— Вовсе ты не старая, душа моя, — с улыбкой отозвался господин Ду. — Вот я сдал в последнее время, сдал... Где уж мне тягаться с прежним собой.

— Для меня ты всегда молод, — супруга уездного судьи ласково взглянула на мужа. — Я до сих пор помню, каким пылким и вдохновенным ты был в юности.

Выехали они на рассвете, улицы городка еще пустовали, и госпожа Ду, приподняв плотную занавеску экипажа, негромко беседовала с мужем.

— А ведь я до сих пор помню твои слова, — тихо добавила она. — Ты обещал стать честным судьей. Обещал заботиться о людях и беречь эти земли.

— Да, было время... — вздохнул господин Ду, погружаясь в воспоминания. — А ты тогда, не раздумывая, поехала за мной на этот дикий север. Десять лет пролетело. Лишь изредка весточки из дома приходили, ты ведь за все эти годы ни разу на родине не побывала.

Род Ду происходил из простых крестьян. Семья их, хоть и числилась зажиточной, копейку ценить умела, а уж выучить старшего сына, будущего чиновника, да довести его до высшей ученой степени — цзиньши — и вовсе стоило невероятных трудов.

Получив степень цзюйжэня, Ду Мин на целых шесть лет застрял дома — один за другим ушли из жизни родители, и долг сыновней почтительности обязывал его держать траур. Лишь после этого он смог отправиться в столицу на императорские экзамены.

После смерти стариков братья сразу разделили хозяйство. Старшая сестра к тому времени уже уехала с мужем в такую глушь, откуда за всю жизнь не наездишься — разве что редкими письмами перекидывались. Младшие братья, получив свои доли, зажили особняком, каждый своим умом.

Едва сняв траурные одежды, Ду Мин с подачи своего наставника, выступившего сватом, женился на дочери одного почтенного семейства из префектуры. Эта девица и стала его верной супругой.

Госпожа Ду в свое время тоже засиделась в девках из-за траура по родне. На момент свадьбы ей сравнялось девятнадцать — возраст по тем временам критический. Обыкновенно девиц старались пристроить до восемнадцати, а тех, кто перешагнул этот порог, приличные дома обходили стороной.

К счастью, родные невесты понимали ее положение и не поскупились на приданое, чтобы компенсировать упущенные годы. А поскольку суженый ее уже тогда носил почетное звание цзюйжэня, семья расщедрилась еще больше, добавив к свадебным дарам добрую треть.

Именно на эти деньги Ду Мин содержал себя во время подготовки к столичным экзаменам,

окруженный заботой и верой молодой жены. Когда же заветная степень цзиньши была наконец получена, оказалось, что без высоких покровителей при дворе рассчитывать не на что. Отслужив положенные три года при ведомстве, молодой чиновник получил назначение на окраину империи — в глухой приграничный уезд. Назначение, затянувшееся на долгие десять лет.

Все эти годы супруга безропотно делила с ним тяготы изгнания. И если Ду Мин за время своей службы не запятнал себя лихоимством и взяточничеством, то лишь потому, что щедрое приданое жены позволяло им не нуждаться и содержать дом в достатке.

— Ну что ты такое говоришь, дорогой? — прикрыв рот ладонью, тихо рассмеялась госпожа Ду.
— Да мне все подруги завидовали!

В девятнадцать лет за ней действительно шел дурной шепоток — судачили, будто судьба ее незавидна. Помнится, тогда порог их дома обивал один полуживой купец-вдовец, мечтавший взять ее в наложницы, но братья быстро спустили наглеца с лестницы.

И кто бы мог подумать, что из шести сестер именно она вытянет самый счастливый билет? Теперь она — супруга префекта, высокопоставленная дама.

Супруги побеседовали еще немного. Когда экипаж приблизился к городским воротам, госпожа Ду спряталась в глубине повозки и опустила тяжелую ширму.

Семейство Ду жило скромно, так что для переезда в управу Бэйфэн им хватило всего десятка телег. Поскольку уходящий судья поддерживал добрые отношения с гарнизоном у Северных ворот, тамошний командир выделил для сопровождения два десятка солдат. Отряд состоял из двадцати четырех рядовых и двух десятников — сила, может, и небольшая, но внушительная.

Регулярные войска на дороге — лучшая защита от любого сброда; даже самые дерзкие разбойники не посмели бы сунуться, завидев имперские знамена. К тому же обоз сопровождали крепкие домашние слуги, так что со стороны кавалькада выглядела весьма внушительно.

И все же провожающие невольно качали головами: уезжающий уездный судья выглядел куда скромнее, чем те два личных советника, что наделали шуму своим недавним визитом. Вот она, разница между истинной властью и скромным чиновничьим долгом.

Но больше всего Ду Мина ранило то, что утренние улицы города встретили его глухой пустотой. Ни один горожанин не вышел за порог, чтобы проводить его. Неужели за десять лет он так и не заслужил хоть капли уважения от этих людей? На душе у него сделалось горько и тоскливо.

Вдруг, едва передняя повозка миновала крепостную арку, возница резко натянул вожжи и взволнованно крикнул:

— Господин! Взгляните-ка туда!

Ду Мин, уныло разглядывавший зубчатый силуэт покидаемых стен, повернулся на крик и застыл в оцепенении:

— Что это?..

Вдоль широкого тракта, ведущего к префектуре Бэйфэн, живой стеной стояли люди. Плотные крестьянские шеренги тянулись до самого горизонта. У обочины высились наспех сколоченные приветственные павильоны, украшенные яркими лентами, а посреди дороги, склонив головы в глубоком поклоне, замерли трое старост трех деревень.

Тысячи людей заполнили тракт, но над дорогой стояла звенящая, благоговейная тишина.

По краям толпы выстроились служки управы, зорко следя за тем, чтобы взволнованный люд не перегородил проезд господским экипажам.

Но удивительнее всего было другое: если по правую сторону тракта теснились простые крестьяне и ремесленники, то по левую выстроилась железная когорта воинов в боевых доспехах. А во главе этого строя, выпрямившись как струна, стоял сам младший генерал Ван — военачальник, которому надлежало сейчас находиться в Северном военном лагере.

<http://bllate.org/book/19387/1997447>